

ИГОРЬ АВЕНИРОВИЧ МОРЕВ. «РЕЗЮМЕ. НИЧЕГО ЛИЧНОГО»

Из архива Третьяковой Анны Григорьевны,
заслуженного работника культуры

Игорь Авенирович Морев (14.09.1956 – 16.03.2021 гг.)

16 марта 2021 года ушёл из жизни Игорь Авенирович МОРЕВ, кандидат физико-математических наук, отличник народного просвещения СССР, Почётный работник высшей школы РФ, член-корреспондент Академии информации образования, старший научный сотрудник лаборатории электронного строения и квантово-химического моделирования кафедры общей и экспериментальной физики ШЕН ДВФУ.

В 1978 году он получил красный диплом физфака ДВГУ и поступил в аспирантуру на физфак ЛГУ. После возвращения в ДВГУ на кафедру молекулярной физики преподавал физику, в том числе квантовую механику, математику, информатику, внедрил в

научные исследования отдела строение вещества современные методы квантовохимического моделирования. Помимо преподавательской деятельности работал в Совете молодых учёных ДВГУ, затем стал заместителем декана по учебной и воспитательной работе, трудился в приёмной комиссии. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Моделирование электрооптических параметров молекул с применением эволюционного подхода». Получил звание доцента.

Игорь Авенирович активно использовал оригинальные и действенные методы преподавания и воспитательной работы. Много лет он проработал в лабораториях квантовой химии и электронной спектроскопии.

Совместно с коллегами Игорь Авенирович Морев развивал дистанционное образование, внедрял современные формы обучения в ДВФУ, в том числе массовые электронные олимпиады и экзамены для абитуриентов и студентов ДВГУ. Много лет Игорь Авенирович являлся заместителем директора Открытого университета ДВГУ. Тесно сотрудничал со школами, был инспектором по внедрению ЕГЭ в Хабаровском крае и в Якутии, возглавлял жюри школьных краевых компьютерных олимпиад. Он занимался педагогикой, рассматривал вопросы обучаемости и способов развития человека с помощью компьютера.

Игорь Авенирович неоднократно избирался членом Учёного совета Приморского института повышения квалификации учителей. Он автор более 300 печатных работ, из них – семь монографий и два учебника. В его активе огромное количество благодарностей от ректоров, министров, федерации профсоюзов, ЮНЕСКО, авторские свидетельства и сертификаты.

Анна Григорьевна Третьякова: «Игорь Авенирович Морев прислал свои воспоминания в конце октября 2016 года для альманаха «Власть книги: библиотека, издательство, вуз», но номер уже был сдан для подготовки к электронному выпуску. Шёл сбор

материала для следующего издания. Так получилось, что вскоре я уволилась из НБ ДВФУ и передать информацию забыла. Но, как говорится, «рукописи не горят». Снова перечитываю «Резюме» и восхищаюсь лёгкостью его пера, юмором, добротой к людям.

Вспоминаю, как Игорь Авенирович приветливо встречал, когда я входила к нему в кабинет с просьбой написать статью для альманаха. При всей своей большой занятости Игорь Морев никогда не отказывался. В № 6 появляется его статья «Ученик об учителе» о Василии Фёдоровиче Ефименко, а потом в № 11 «Декамерон о пользе домашних библиотек». В предисловии он написал: «Анна Григорьевна попросила меня написать о домашней библиотеке. Чтоб текст был автобиографичным, поучительным и с юмором. Миссия невыполнима... Постарался». Игорь Авенирович постарался, его воспоминания состоят из десяти эссе. Статьи «Как я был настоящим библиотекарем», «Моя детская библиотека», «Как я был книжником сторожем», «Моя школьная библиотека», «Моя медиатека», «Электронная библиотека», «О пользе чтения» стали для юного поколения, и не только, путеводной звездой, ведущей к знаниям, постоянному самообразованию и трудолюбию. *«Нет бесполезных знаний»*, – любил говорить Игорь Авенирович Морев.

О жизненных ценностях и предпочтениях этого незаурядного человека лучше всего можно узнать из первых уст. Игорь Авенирович Морев краткую историю своего творческого научного пути назвал так

«Резюме. Ничего личного»

«Здравствуйте, уважаемые коллеги. Позвольте представиться.

Я – Морев Игорь Авенирович. Для того чтобы облегчить друзьям и ученикам запоминание сего сложного отчества, я говорю им, что Авенир (avenir), по-французски, - «будущее»; и ещё что в городе Нью-Йорке есть дороги в будущее – авеню. Это такой педагогический приём. Запоминают и радостно демонстрируют свою память.

Родился я в Балтийске, под Калининградом (бывший Кёнигсберг). Это произошло ночью, меня везли рожаться на торпедном катере с Косы в Балтийск. Чуть раньше этого события был воссоздан ДГУ – Дальневосточный государственный университет. А через две недели после моего рождения появился приказ министерства о создании в Дальневосточном университете физического направления. Так что мы ровесники с кафедрой Общей физики ДВГУ-ДВФУ. Я даже чуть старше. Но я об этом ещё не знал.

Мне довелось пожить в более чем 60 городах, в том числе по чуть-чуть в Штатах, Таиланде, Китае, Камбодже. Моя учительница З. Лицкевич поведала, что, когда в 1 классе в Николаевске-на-Амуре меня спросили, кем я хочу быть, я ответил: «пассажиром». Потому что пассажир сидит позади лётчика и говорит, куда лететь.

Родители мои – ярославские учителя, а из меня, с учётом ростовского прадеда, получился педагог в третьем колене. Про ростовских (Ростов Великий) предков, священников и учителей церковно-приходской школы, мне рассказали недавно, когда стало ясно, что новые власти никого за связь с церковью расстреливать не собираются.

Даже при Борисе Ельцине мне о моей родословной не рассказывали. Нет и всё. Родственники справедливо опасались: пикнешь, и парня не примут в школе ни в пионеры, ни в комсомол. Со всеми вытекающими. Значительно повлиял на мою биографию Никита Хрущёв. Отец, офицер флота в Балтийске, попал под «хрущёвский миллион» и был направлен на новое место службы в Советскую Гавань. Прибыл туда всей семьёй, с чемоданами, и сходу получил бумагу об увольнении из армии. Вот так. Обрато в Европу ехать – денег нет. Жить на новом месте негде. Впереди зима. Вот и поехал я с родителями и двумя фанерными чемоданами путешествовать по городам Дальнего Востока.

Запомнился Николаевск-на-Амуре. Как жители бежали в магазины скупать соль-спички при каждом объявлении Левитана в репродукторе: «... работают все радиостанции Советского Союза ...», какой страх царил среди соседей в казарме при запуске космонавтов. События на Кубе, на Курилах. Осведомлённых

офицеров среди соседей было много. Люди ждали войну. На внимательные уши детей внимания не обращали. Детские игры наши проходили неподалёку от города, на заброшенном японском кладбище. Ночью на улицах можно было встретить лося.

Значительную часть своей жизни я посвятил учению. Менял школы и университеты. Был и двоечником, и отличником, и победителем всяких школьных и студенческих олимпиад. Награждали меня на сцене Дубининского интерната Н. Берёзкина, В. Горчаков, В. Левин, В. Высоцкий. Я храню полученные призы – книжки с автографами председателей жюри. Недавно я заметил: там до сих пор сохранилась деревянная лесенка, по которой на сцену всходили будущие светила. Из рядов школьных двоечников меня вырвала наша любимая химичка В. Кургак, сделавшая из меня в 9 классе автомат по решению задач для заочников всех вузов и специальностей. Это – мой первый бизнес-проект. Я тогда был завален дорогими шоколадками и через это пользовался вниманием одноклассниц. В 9 – 10 классах учился в двух заочных физмат школах одновременно (МФТИ, ТУСУР). На олимпиады меня вытаскивали И. Козлова и Т. Лабода. Районные и краевые олимпиады в СССР по разным предметам проводили в разные дни, и я успевал сходить на все. Так я увеличивал свои шансы на победу и злил организаторов, которые путались в грамотах.

Первое своё «олимпийское» крушение я встретил в Ленинграде десятиклассником на Всесоюзной школьной олимпиаде по физике. Мы приехали туда командой «защищать честь Приморского края». Я очень хотел войти в тройку сильнейших и поехать в далёкую Болгарию на Международную олимпиаду, чтобы потом не сдавать экзамены в университет. Но звёзды были против. Наша команда Приморья стала всего лишь замыкающей первой десятки в общем зачёте. В личном же зачёте я лишь подполз снизу к первой десятке, получил сколько-то очков и грамоту за оригинальность решения. Как сказал бы мой друг гроссмейстер А. Мишаков, сработано по швейцарской системе. Наши малыши (восьми- и девятиклассники) выступили лучше меня. Ну что ж, это ведь 23-я владивостокская школа. Я её всегда

уважал. Там олимпийцев готовили системно, а я был всего лишь сельским выскочкой. Конечно, искали причины: и то, что мы с опозданием прилетели из Владивостока в Ленинград и не успели выспаться, и то, и то... Факт был налицо. Провал. Вернувшись, мы попали в руки Н. Березкиной, руководившей крайоно. Она встретила нас в аэропорту, утешала, говорила, что и это место очень высокое среди полусотни команд регионов и физмат школ СССР...

Второе крушение – через три месяца. Меня не взяли в физтех. Сдал все экзамены, но в списках себя не нашёл. Сказали, из-за зрения. У меня было + 5. Во Владивостоке конкурс на физтех был 25 человек на место. Секретарша шепнула, что надо было мне поступать в Москве, где конкурс был значительно ниже, и зрение не было такой уж преградой. Но поезд ушёл, и я поступил на физфак ДВГУ без вступительных экзаменов. В. Горчаков железной хваткой затащил нас, четверых не взятых «олимпийцев», в университет практически за шкуру. Он был деканом физфака. Иногда думаю: жалею или нет? Скорее, второе.

Третье крушение – на третьем курсе. Тогда проводились студенческие олимпиады «Студент и НТП». Я, не напрягаясь, взял 1 место по физике в зоне Дальнего Востока среди третьекурсников из двух десятков соседних институтов. Отправили в Новосибирск, на Зауралье. И тут пролёт – 7 – 8 место. Опять конец десятки. Впереди меня выстроились ребята из Томска и Новосибирска. Треть задач я даже не понял: мы с ними учились по разным программам, я вылез вверх среди 40 команд только потому, что читал всякую популярную литературу сверх программы. Отмечен был за оригинальность. Да и ладно, я эти города уважаю.

Кто-то пустил слух, что олимпиада будет и на 4 курсе. Мне очень хотелось стать первым. Так уж воспитали меня мои учителя. Начал бегать на лекции в группу ядерщиков, к Б. Резнику. Он удивлялся и ставил меня в пример. Однако страна «не потянула» олимпиаду для четвертого курса. Я её понял.

Свои «олимпийские» приключения я описал в методическом пособии (страниц 30) для организаторов олимпиад, которую издал ДВ РУМЦ (спасибо В. Савченко). Разлетелась. Хотел переиздать,

КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

да руки не доходят.

В свободное время я пиликал на баяне на площади в Большекаменске по праздникам и мастерил махолёт из соседского велосипеда. Тогда в СССР все что-то мастерили. В радиокружке мы паяли ламповые усилители для самодельных электрогитар. Два года музыкалки воспитали во мне стойкую неприязнь к классике. Выгнали. Реально баяну меня выучил за два месяца сосед-пожарник Юра. За мзду. Его выгнали с работы из той же музыкалки. Баян на площади опасен для организма, особенно на 9 Мая. Этот день Победы! Первая рюмка – из рук ветеранов.

В стройотрядах я получил разряды бетонщика и стропальщика, строил крыши, дороги, два стадиона и два гаража, одно бомбоубежище и одну школу. Баян забросил, ибо в общагу ДВГУ уже проникли их величества Бобинник и Вертушка. Жил я в комнате меломанов. Познавал бардов с бобин и заграничную музыку с пластов, купленных на барахолке. Впервые правду о Битлз я услышал в холле физической общаги на лекциях профессора Ф. Староса. Потом нам рассказали, что он был шпионом. А ещё оказалось, что Ф. Старос был президентом яхт-клуба Владивостока. У него была самая большая яхта, он был президентом клубов нумизматов и филателистов и т. д.

Ф. Староса помнят как человека, первым вручившего самодельный транзисторный приёмник Н. Хрущёву. Может быть, виноват в том Ф. Старос, а может, ещё кто, но паяли приёмнички и т. п. в физическом общежитии все. Даже двоечники, даже девушки. Всюду чемоданы с радиодетальями, всюду запах горячей канифоли.

Сосед по комнате – студент 4 курса В. Заболотный, одаривавший нас радиодетальями и учивший паять, сказал мне после очередной катастрофы: «Морев, все транзисторы, которые ты здесь сжёг, не стоят тех знаний, которые ты при этом получил». Я запомнил. А ещё В. Заболотный показал нам, соседям-первокурсникам, тоненькую красную книжечку – учебник В.Ф. Леоновой «Термодинамика». И сказал: «Поймете её и все задачки по любым темам будете решать без проблем». Поверили мы этим словам потом, когда стали решать задачки на семинарах

быстрее, чем преподаватели записывали их на доске. Книжка В.Ф. Леоновой стала на физфаке популярной, достать её в читальном зале стало невозможно. Возникла и проблема: одна из преподавателей (приглашенная, не физфакская) стала запрещать студентам решать задачи до того, как она запишет условия. Смеётесь? Были разборки на уровне деканата. Декан В. Полищук принял сторону студентов. Через несколько лет в Ленинграде мне удалось купить книжку В.Ф. Леоновой в букинистическом магазине. Я сейчас именно с ней преподаю решение задач и студентам, и школьникам. А ещё я люблю преподавать по решебникам В.К. Кобушкина.

Учась на 3 курсе физфака, мы смастерили с А. Клещевниковым первую на Дальнем Востоке установку для изучения эффекта Кирлиан. Стали вести исследования. По своей

На этой установке студенты 3 курса физфака ДВГУ Морев и Клещевников делали первую научную работу, 1975 – 1976 гг.

инициативе. Защитили курсовик по биофизике. Руководила нашими изысканиями Р. Полищук. Когда мы включали установку, люди в соседних домах вставали с диванов и начинали бить кулаком

КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

в свои телевизоры, мы это видели. Консультировал нас инженер-ядерщик Б. Капустин; он научил нас работать с осциллографом и с огромными пятидесятиваттными радиолампами ГУ-50. Тогда это виделось каким-то волшебством, приходили экскурсии первокурсников. А. Суханов приводил учителей и школьников, мы фотографировали их пальцы в искровом разряде с напряжением 40 киловольт (все живы). Сейчас установки Кирлиан применяют и врачи, и полицейские, и так далее.

А. Суханов для меня – пример преподавателя. Сурово ставивший двойки днём, он становился радушным хозяином вечером, приглашал домой в гости студенток смотреть в телескоп. Вокруг него всегда вилась стайка будущих астрономов. Биография А. Суханова – легенда высочайшего уровня. Ведущий специалист по астрономии на Дальнем Востоке, племянник первого комсомольца Приморья, внук дореволюционного руководителя системы образования Приморья, летчик-бомбардировщик, бравший Берлин и т. п., и т. п. Мы слушали его рассказы, «растопырив уши». Заглядывая в лабораторию биофизики, он приходил в восторг от наших гирлянд из радиодеталей, особенно от соленоида, построенного из швабры. И на лекциях второкурсникам рассказывал, что мы там в 73 аудитории ловим на швабру мысли прохожих и скоро начнём на швабре летать. Про мысли он, конечно, преувеличил, поскольку мы использовали в экспериментах только листики цветов из читального зала. Заведующая читальным залом увидела, что мы щиплем её листочки и прячем в портфель. Пришлось объясняться. Хорошая женщина подарила нам в лабораторию аж два больших цветка вместе с горшками. Да, пришлось нам добывать ещё одну новую швабру, поскольку уборщица этажа предъявила нам претензии.

Свои четверки в зачётку я получил по программированию, педагогике, атомной физике. Шутка судьбы. Именно этими науками я сейчас и занимаюсь более всего. На 3–4 курсах я ухитрился учиться на трёх факультетах одновременно: физфак, матфак, биофак. Надоумили меня тому на своих лекциях наши физфакские преподаватели – В. Белоконь, В. Горчаков,

В. Полишук, В. Юдин, А. Суханов. Сдал я за год на 17 экзаменов и зачётов больше сокурсников. Больше самого С. Доркина. На спор в общежитии. Коньяк так мне никто и не поставил. Кстати, бегать на разные факультеты было для физиков нормальным делом, деканы

Игорь Морев в рабочем кабинете

таких студентов уважали и презванивались между собой (не псих ли заходил). Психов вокруг физики тогда было много, да и сейчас роятся. Попутно я командовал кружками в студенческом научном обществе вместе с С. Захарковым. Встречался с академиком Е. Золотовым. Через него познакомился с В. Комаровым и увлёкся теорией диссипативных структур. К концу 4 курса, после встречи с профессором В. Вовной, меня официально превратили в квантового химика. Новое

увлечение. И старые я не бросал. Никогда.

...Новый период жизни – квантовая физика. В начале 5 курса меня отправили на доучивание в Ленинград, на физфак ЛГУ (Ленинградский государственный университет – ред.), на кафедру фотоники. Впоследствии там я стал стажёром и аспирантом. Шефом у меня стал Е. Смирнов, «певец атома гелия». Именно он учил меня моделировать на компьютере молекулярные реакции, писать первые статьи, и он же наградил меня прозвищем «дальневосточный чукча» за то, что у меня в текстах частенько выскакивало слово «однако» и за то, что я постоянно ошибался в ударениях в химических терминах. Наверное, ему было не по себе, когда я «ляпал» в выступлениях на кафедре. Пальцем показывали не на меня, а на него. Так уж случилось, что химию я познавал срочно, без учителей, по научным статьям.

Постепенно я понял свою научную задачу – научиться моделировать процессы адсорбции. Этим я и занимался далее

КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

несколько лет с переменным успехом. Хотелось достичь многого. Для построения моделей надо было знать многое из разных разделов физики и математики. Перечень этого «многого» я вычитал в обзорах УФН. Успевал, попутно обязательным занятиям, и счёту на компьютерах (бегать на матмех и к приматам – прикладным математикам). Матмех находился на Васильевском острове, а приматы (традиционно женский факультет) обитали в Смольном институте. Вместе с квантовой химией познавал топологию, теорию массового обслуживания, биохимию,

Коллеги – Анатолий Иванович Разгонов и Игорь Авенирович Морев

нейрофизиологию, криптографию, биофизику, квантовую теорию поля, вариационное исчисление и другие, казалось бы, далёкие от химии науки. Однако многое потом пригодилось. Вода дырочку найдёт – не бывает бесполезных знаний.

...Красный диплом физфака. Аспирантура. Старый Петергоф. Стипендии были «хорошие, но маленькие». Чтоб как-то сносно прожить, ещё и в театрах бывая, многие аспиранты подрабатывали. Я работал грузчиком в универсаме и, ночь через две, сторожем на

петергофском складе макулатуры. Вот я насмотрелся! Летевшие из кузовов под пресс вузовские библиотеки, мусорные мешки с собраниями сочинений былых вождей, очереди за дефицитом: «дюмами», фломастерами, полиэтиленовыми мешочками... Ночами я читал найденные учебники и собрания сочинений, слушал «Ленинградское радио» (это – шикарное чудо, сейчас такого нет). На складе я узнал, что в 30-е годы атом водорода в учебниках рисовали не как шарик, а как стрелку. Физики поймут, о чём я тогда думал. На складе же я установил сигнализацию (спаял из деталек со свалки) на дороге вдаль от сторожки – и горя не знал. Участковый милиционер ни разу ночью не застал меня спящим. Мне даже вручили как-то на 7 ноября грамоту «Лучший сторож Петродворцового района». Там же я написал свои первые статьи.

Ещё один бизнес-проект. За бутылку водки рассчитал на компьютере для соседа по общежитию, аспиранта из Владикавказа А. Туриева, проект нового строившегося на кафедре ЭТТ масс-спектрометра. За неделю. Мысленно поблагодарил своего университетского учителя теории электричества В. Ефименко. Получилось. Эксперимент удался. Разрешение выросло в 8 раз. Без меня экспериментаторы копались бы там года полтора. Водку за успех выпил сам заказчик.

...Четыре года спустя – возвращение из Петергофа во Владивосток, в ДВГУ. Принципиальное возвращение, поскольку звали меня и в другие города. Во Владивостоке был физфак ДВГУ, известный в стране, ДВО РАН, были богатые хоздоговоры с командировками, были друзья, было море. Приехал, перевёз семью из общаги в общагу. Надолго. В стране начинался голод, рыбные дни. Преподавание физики, математики, информатики на разных факультетах. Работа в совете молодых учёных и в Приёмной комиссии ДВГУ, заместитель декана по воспитательной работе, колхозы с абитуриентами. Клуб «Аргонавты», ежегодный День физика – самые светлые воспоминания. В свободное от преподавания и науки время я охотился за молекулами-невидимками. Теоретически. Два года писал программу на Фортране - более 7 тысяч перфокарт. Никто не верил, но молекулы

такие я нашёл. В сверхсильных полях. Помогали мне в этом С. Павленко и А. Фалалеев. Формулы со мной писали зимними ночами студенты С. Махоткин, И. Барташевич, А. Стрельцов, Г. Патрушев, Д. Кочедыков. Ругал меня и подсказывал из далёкого Питера Е. Смирнов. Во Владивостоке считать на ЭВМ было негде, толкучка теоретиков, расчёты приходилось вести в командировках ночами и по блату. Поддерживали наши теоретические бдения В. Горчаков, В. Вовна, Л. Алексейко, А. Павлов, А. Разгонов, В. Андреев.

Наконец, защита кандидатской диссертации в ЛГУ в совете у квантовых механиков и химиков «Моделирование электрооптических параметров молекул с применением эволюционного подхода». На ура. Попутно выяснилось, что почти все изобретённые мною велосипеды уже известны в разных науках. Но вот придумал, как применять их в квантовой химии, и применил их я всё-таки первым. Главное мое достижение – я научился вычислять поляризуемость молекул и, соответственно, интенсивности в КР-спектрах из «первых принципов» без традиционных огромных затрат.

Начались новые научные потёмки, преподавание, административные дела. Надоедали военные сборы, повестки, в сумме более года я армии отдал. Много командировок, один раз за 40 дней и за 500 рублей объехал с научными целями 24 города. Пил чай в Москве в каморке «е2е4» с самим М. Ботвинником, затесался в Питере в коридоре Академии Наук у Эрмитажа в спор академиков И. Шкловского и В. Амбарцумяна. В Киеве чокнулся за столом с академиком А. Самарским и в Новосибирске с ректором академиком Ю. Ершовым. В ЛГУ учился курению трубки на лекциях Л. Грибова, в МГУ участвовал в посиделках у Ю. Владимирова и Н. Степанова. Было и посещение знаменитого «Капичника» (знаменитые научные семинары П.Л. Капицы, которые проходили в Институте физических проблем РАН – ред.), куда меня привёл Е. Смирнов для выяснений научных тонкостей. Были беседы в НИИФ на этаже теоретиков с профессорами Т. Ребане и В. Васильевым, интеллигентно указавшими все

глубины моего падения. В физической общаге на улице Ботанической до утра я слушал песни А. Розенбаума, приехавшего в Старый Петергоф на День физика с медиками-сестричками на машине скорой помощи. На своих рёбрах я прочувствовал, как ломались большие физические аудитории ЛГУ от количества пришедшего с улицы народа на лекциях Н. Толстого, Р. Грановской и И. Кона. На встречах с С. Юрским я зауважал «Евгения Онегина» и рассказы Шукшина (в школе мы считали чтение презренным делом, учительница была не всеильна) и стал читать. Когда-нибудь припомню всё, это – отдельные песни.

На факультете психологии ЛГУ я услышал про новосибирское педагогическое изобретение – ИКИ. С тех пор применяю на практике и всем советую. Название ИКИ расшифровать просто: «индивидуальное кумулятивное индексирование». Ну, это для математиков просто. Расскажу для педагогов проще. Объявляю студентам, что теперь каждое их действие оценивается в баллах. Всё только положительное: и подсказки, и крики с места, и нахождение ошибки у преподавателя, и всё остальное. Никак не проявился – ноль. В конце семестра всё просуммирую и первым 20% поставлю зачёт автоматом. Конечно, никто не верит. Преподавателям вообще никто не верит. Однако через пару недель возникает доверие, занятия начинают идти сами собой. Освобождаю себя для истинно педагогического труда, наблюдаю и иногда вклиниваюсь. Одни выступают у доски, другие оценивают, третьи контролируют и записывают. Потом меняются. Контролёров выбирают голосованием. Баллы растут сами собой. Конечно, у меня есть волшебные слова, не все так просто. Но эффективно. Применял на разных факультетах, в школах. А ещё применяли у физиков – А. Фалалеев, у химиков – Ю. Иванов и др. Действует. Я про это сделал методичку, там все волшебные слова прописаны. Что-то подобное пытались сделать примерно в 2003 году математики ДВГУ, да и в ДВФУ сейчас есть специальные люди, которые придумывают рейтинги для студентов.

С удовольствием смотрю питерские детективные сериалы. Их герои любят постоять-поговорить у дверей БАН (библиотека АН

СССР на Ваське). Проникаешься уважением. Странная любовь. У «публички» они встречаются реже. Там в «публичке» мне довелось видеть необычные сцены – выступающие шизфреники в очках, массивные люди в белых халатах и т. п. А ещё там в голодные 90-е всегда в буфете были дешёвые настоящие сосиски.

А какая прелесть – питерский День физика! Чтоб туда попасть, я специально подстраивал сроки своих командировок. Надо было где-то добыть входной билет, а для этого занять блат, выдержать конкурс плакатов или, по-простому, обнаглеть. Нагтели мы вдвоём с А. Клещевниковым: клали на плечи теннисные ракетки, говорили дружинникам на крыльце, что идём на соревнования, проходили внутрь и через неохраняемый закуток проскакивали к цели. И, даже попав в корпус физфака, забраться в аудитории было трудновато. Людей было очень много. В аудитории на 300 мест набивалось до 2 тысяч человек. Концерты гостей – МГУ, МФТИ, МИФИ, НГУ, КГУ, ТГУ – шли два дня, много часов без перерывов. Падающих в обморок девушек передавали к дверям на руках. Выламывались двери. КВН – nonstop. Кубок преподавателей. В университетских буфетах тогда продавали и пиво, и коньяк, но злоупотреблений среди физиков не наблюдалось. Если что происходило – инциденты ликвидировались на месте. Длительных пост-разборок не помню. А знал бы я о разборках точно, поскольку состоял в должности зам. комсомольского секретаря на кафедре фотоники. Будете смеяться, но абсолютное большинство комсомольских постов в ЛГУ в 70 – 80 годы занимали трудолюбивые дальневосточники и сибиряки.

Вернувшись во Владивосток, я попытался перетащить на физфак ДВГУ опыт праздников ЛГУ. По глупости. А потом увидел, что за время моего отсутствия здесь выросла своя самобытная культура, которую лучше не трогать. Даже партком её обходил стороной. Какой вырос «Свободный Халтурщик»! Многие «халтурные» находки становились в один ряд и превосходили гостевые программы НГУ, ТГУ, ЛГУ, МГУ, МФТИ. А какие были шикарные шествия физиков с зелёными драконами над головами по Владивостоку! С парадно одетыми гаишниками впереди колонны и

по бокам. Вот имена организаторов: А. Борисенко, В. Плотников, В. Потапович, С. Должиков, С. Лопухин-Григорьев, С. Галушкин, В. Кобыща, О. Павлова, Т. Лиховидова, А. Наровецкий, А. Мазур и далее весь состав первого на Дальнем Востоке студенческого клуба «Аргонавты». Поддерживали и попустительствовали этому – декан физфака В. Полищук, ректор В. Горчаков, члены парткома В. Курилов и А. Анискевич. Владивосток ждал этот день – 12 апреля.

День физика сопровождался массой мероприятий, иногда казавшихся дикими. А. Пригорнев открывал зал аттракционов, где надо было лучом лазера попасть в конфетку. Т. Лиховидова и О. Павлова устраивали выставки физических изделий. Я однажды стал там призёром со своим пиджаком, собственноручно связанным из бельевой верёвки. А. Павлов, сын А. Павлова, ставил печать на лбы первокурсников (посвящение в студенты), работало фотоателье, где можно было сфотографироваться в обнимку с моделями ректора и декана (эти фото запретили), А. Шибаев устраивал концерты, композиции для швабры с чемоданом и принтера.

Лаборатория квантовой химии. Л. Алексейко, В. Андреев, В. Харченко, А. Кашин, Ю. Иванов, И. Львов, Ю. Бабин, С.А. Павленко, Е. Мышакин, В. Рыбин, А. Присяжнюк, С. Слабженников. Настоящая избушка в центре Владивостока на улице Уборевича: русская печка, чуланчик, чайник, борщ, деревенский туалет на улице. Персональный компьютер «Искра». Музей русского быта. Зимой холодно, летом жарко. Суровая дисциплина. Соседи льют помой из вёдер зимой прямо под крыльцо. Скользко. Начало науки.

Лаборатория электронной спектроскопии. Первые большие приборы и компьютер по имени «СМ». В. Вовна, В. Горчаков, Л. Алексейко, А. Чередниченко. Те же люди. А ещё Александр Борисенко и Борис Охота. Кто первым догадается, почему эти двое выбрали для изучения именно соединения бора? За пультом «СМ» - С. Доценко, С.А. Павленко, А. Пригорнев, П. Гринцевич. Всех тогдашних спектроскопистов перечислить сложно, все они здесь

отметились. Отсюда вышли наши новые доктора наук, здесь десятками создавались дипломы и кандидатские диссертации. Лаборатория 157. Это была самая женская лаборатория физфака. А может, всего ДВГУ. А. Устинов подарил лаборатории свой диван, откуда-то взяли матрасы, одеяла, холодильник. Крысы из мусоропровода. Общительные вахтёры. Победный счёт был примерно таким: две ночи – спектр. Первые опыты коллективных научных ночёвок.

Ночёвки на работе среди нас были общеприняты. Проходя мимо административного корпуса ДВГУ на улице Суханова, 8 в ночное время, нередко можно было увидеть свет в окнах ректората. Компьютерные залы светились всегда, программисты работали круглосуточно. Ночью не пропадёшь. Везде свои люди. Сейчас-то я понимаю, какими дикарями мы казались нормальным людям.

Перестройка сожрала мои мечты и все сбережения (денег было у меня на полжигуля). А потом еще и ГКЧП, в колхозе, у костра среди абитуриентов и наркоманов (сидели без электричества), битвы студентов с солдатами за арбузы, бессонные ночи с фонариком у ворот. Разбитое корыто вместо сберкнижки. Однако остался опыт: доцент, зам.декана физфака, автор популярной в ДВГУ физфаковской стенгазеты, изобретатель первых в Приморье электронных учебников (не единственный), основатель ряда научных студенческих кружков, программист, школьный учитель, редактор краевого журнала «Образование и Культура».

Мой первый дизайнерский опыт – я изобрёл эмблему для журнала, состоящую из двух букв «О» и «К», связанных морским канатом. Американцы заезжие как увидели, так сразу и смекнули, получилось три в одном: и входивший в моду "о'кей", и тематическая связка, и морская специфика. Грамотно нарисовал ту эмблему М. Скачков. В редакцию работать меня затащили В. Станкевич (гл. редактор) и А. Солоницкий (редкий филолог), а я и не сопротивлялся.

Важно для меня: бывшие мои ученики здороваются со мной на улице. В гости приглашают, сами ко мне приходят. Помнят мою

стенгазету и пятничные семинары. Идею пятничных семинаров я почерпнул в книжках С. Капицы и А. Андроникашвили. В ДВГУ эта идея упала на благодатную почву. Я договаривался еженедельно с парой преподавателей или сотрудников ДВО РАН о выступлении перед студентами на любые заумные темы. Обещал, что, если они хорошо выступят, студенты придут к ним работать. Врал, конечно, но как удачно! В назначенное время мы наполняли водой из-под крана одно-два ведра воды, включали кипятильники, посылали гонцов в соседний магазин за булочками, сахаром и заваркой. Деньги выдавали спонсоры – преподаватели кафедры: А. Павлов, Л. Алексейко, В. Царев. Они же периодически подкармливали инженерный состав кафедры. А. Павлов приносил настоящее деревенское сало. Много. Время было голодное. Посуду мы приносили из домашних запасов, пластмассы ещё не было. Собиралось, как правило, около 10 – 30 студентов. Иногда больше. Лекторы получали великое удовольствие и напрашивались на выступления вновь. Среди студентов иногда возникало голосование: кого приглашать, кого нет. Бескомпромиссно. Мероприятие частенько затягивалось за полночь. Вахтеры нас не тревожили, им было спокойнее с нами, а городские автобусы в те времена ходили до часу ночи. Часам к 20 – 21 к нам иногда заглядывали ректор, декан, парторг. Для порядка. Труда им это не составляло, поскольку семинары проходили у нас в 77 аудитории, на 3 этаже, рядом с туалетом. Да и интересно им было, когда всё это кончится. Около семи лет это длилось, с перерывами, вплоть до ГКЧП. Потом в стране началась дисциплина, и мы развалились. Ну, а пока всё с дисциплиной было нормально, власть на нашем пятничном семинаре постепенно захватили старшекурсники: Д. Тихонов, А. Белолипецев, Р. Богушев, А. Кашин, А. Прокопчук, В. Самойленко, А. Фалалеев, С.А. Павленко, М. Ковтун, студент-филолог А. Солоницкий. С удовольствием перечислю ещё десяток фамилий. И я уже был не нужен. Разве что денег дать на булочки и сахар. Заседания шли сами собой. Надзирал и проводил мою политику несменяемый «диктатор» – С.А. Павленко. Председатели и секретари семинаров выбирались голосованием. Вёлся конспект.

Блистал красноречием Д. Тихонов. За порядком на столах следили девушки, чаще Лена Дреко и Лиана Яцкевич. Те конспекты, оказывается, я сохранил и, как нельзя кстати, обнаружил на антресоли.

...Стенгазету «Информация деканата» придумал тоже не я, а мой друг А. Павлов. Он сказал так: «Морев, хочешь всё знать о факультете – выпускай газету». Я последовал совету и решил проблему своей информированности. Обрёл множество соавторов – своих «глаз и ушей». Пришлось печатать газету во множестве экземпляров: часть экземпляров исчезала со стены бесследно, часть забирал партком, часть ректорат, что-то «приворовывали» редакторы «Ленинца» для перепечатки. Появилась в «Ленинце» рубрика ноу-хау: «Вести с физфака». Только настоящие журналисты могли так всё перевернуть. Появился плагиат на других факультетах ДВГУ. Я не препятствовал, только увеличивал тираж, насколько позволяла электрическая печатная машинка (компьютеры, конечно, в ДВГУ уже были, но на машинке я печатал шустрее). Дурной пример заразителен. Появилась «жёлтая пресса», где анонимные авторы-студенты на жёлтых листочках рассказывали о проделках преподавателей. Я по утрам заставлял здесь наше руководство за просмотром новостей.

Однажды я устроил на физфаке рейтинг преподавателей. Конечно, посоветовался с коллегами, но ответственность взял на себя. Нарисовал клеточки на бумажках, разложил их на столе в компьютерном классе и предложил всем желающим студентам ставить плюсики напротив фамилий тех преподавателей, которых они уважают. Двоечники в голосовании не участвовали, поскольку по утрам на занятия не ходили. Минусы ставить я не разрешил из этических соображений. Присматривали лаборанты. Три дня – и рейтинг готов. Аккуратные девочки-педагоги его оформили и вывесили на стену у деканата. Немедленно разразился общеуниверситетский скандал на уровне ректората и парткома. Пришло указание снять, сняли, но главное было сделано, все всё уже увидели. Зря мы думаем, что студенты ничем не интересуются и на занятия не ходят. Ещё как! Мир перевернулся. Л. Ильяшенко,

например, наш англичанин, на которого давно точил зубы учебный отдел за то, что он принципиально ставит слишком много двоек, вошёл в десятку лидеров. И ещё многое вдруг прояснилось. Были разборки, были предложения убрать меня из деканата. Потом мне шепнули, что за меня выступили декан В. Савченко и ректор В. Курилов. Студенты-армейцы приходили пожать руку. И Ольга Магомедовна из учебного отдела хорошо потом про мои проделки отзывалась. И на факультете что-то изменилось в лучшую сторону.

Те старые странички нашей стенгазеты (около тысячи) отсканированы добрыми людьми и гуляют по соцсетям. А ещё я придумал систему студенческих расписок-индульгенций. В соответствии с указанием ректора. Контингент надо было хранить, и я делал это без криков и подношений. Я вывешивал список кандидатов на отчисление и садился в засаду подальше от деканата. Вскоре появлялся поток жаждущих разговора со мной. Я слушал доводы и постепенно соглашался повременить с отчислением через написание расписки, где обязательства брал не сам виновник, а его друзья, подруги, родственники. Действовало. Папку расписок я сохранил. И теперь, через много лет мы с бывшими двоечниками её открываем. Кто-то стал учёным, инженером, учителем. Кто-то остался двоечником по жизни. Всем одинаково интересно.

В НГУ я присмотрел отличную «очистительную» идею. Я также, как новосибирцы, стал регулярно вывешивать ватманские листы в курилках и класть рядом с ними фломастеры. Андеграунд перекочевал туда, столы в аудиториях и стены коридоров заметно очистились от надписей. Сами. Подтвердилось удивительное наблюдение новосибирцев – фломастеры из курилок не исчезали! Ватманы я потом снимал и прятал в деканатском шкафу. Их растащили (уборщицы что ли?), осталось на антресоли у меня дома всего три. Там написано всё, что только может выдумать мозг студента, пока его не видят.

Третья часть жизни – электронная педагогика. В 1994 году я стал грантописцем (такая профессия есть в штатах). И, вскорости, сочинённые мною гранты стали побеждать. Я стал соавтором победивших 4-х российских и 2-х зарубежных грантов на создание

электронных учебников. Руководителями их стали наши ведущие профессора – Т. Бушуева, С. Крицкая, С.В. Павленко, В. Вовна. Моими учителями в деле придумывания технологий и грантов стали физики НГУ и МГУ, которые занялись приспособлением компьютера к обучению ещё в начале 80-х, и к которым меня заносило во время командировок. Были придуманы сценарии и планы, создан творческий коллектив для развития технологии дистанционного обучения, писались отчёты. Сейчас читаю старые бумаги – диву даюсь. Многие наши задумки реализуются в мире только сейчас, через 20 лет. Я тогда выступал в разных ипостасях – зам. директора краевых ЦНОТ и ЦНИТ, отв. исполнитель грантов, автор и сценарист нескольких сотен электронных учебников по разным дисциплинам, разошедшихся потом в Приморье, Якутии и др.

Наша знаменитая выдумка – массовые электронные олимпиады и экзамены для абитуриентов и студентов на 6-ти факультетах ДВГУ. В продвижении этой идеи значительную роль сыграли Н. Смаль, Н. Пестерева, С.В. Павленко, В. Вовна, Т. Бушуева, С. Крицкая, Т. Петрова. И, конечно, ректор – В. Курилов. Потом на одной из конференций я узнал, что одновременно с нами и независимо эту задачу решала группа ЦНОТ в МГУ (Москва).

Изобретали мы и внедряли с друзьями разные новые технологии в школах края (спасибо Н. Шугаю), на факультетах ДВГУ, на курсах учителей в ИУУ (спасибо А. Загороднюку) и ДВГТУ (спасибо А. Фаткулину). Пользовались при этом бесплатной поддержкой коллег, начальников, студентов. Множество семинаров, грантов, друзей, конференций, командировок. Пара пятидневных коллективных встреч с П. Щедровицким. Идеологии обучения, жаркие споры. На моих фотографиях и видеофильмах тех лет запечатлены первопроходцы электронного обучения в ДВГУ. Среди первопроходцев были и наши дети. Мой сын Матвей, например, под руководством первокурсников Д. Кочедыкова и Д. Трофимова создал электронный кроссворд по греческой мифологии из 600 слов – ни

один историк не преодолел его.

Массовые компьютерные тестирования школьников на базе ДВГУ в содружестве с психфаком МГУ (Телестинг, профессор А. Шмелёв). Четырежды мы вывели ДВГУ в победители в России по количеству сеансов. Ежегодно проводили мы более 10 тыс. сеансов тестирований школьников (с 2 по 11 классы, а способы завлечения – моё изобретение) и более 300 тыс. сеансов студентов (с 1 по 3 курсы). Фотографии, видеорепортажи. Поездки, набор студентов-дистанционников. Весенние физические турниры (чистая авантюра, но удалось!). Ежегодные летние дальневосточные физические школы (изобретение И. Бажанского) с нашими интерактивными кроссвордами.

Много из этого всего не случилось бы, если бы не поддержка друзей физфака в краевом департаменте образования и науки: Н. Шугая, В. Станкевича, К. Межонова, Т. Лабоды, Т. Пастуховой, Н. Ульяновской.

Шесть лет я был председателем жюри школьных краевых компьютерных олимпиад в ДВГУ и в ВДЦ «Океан». Пока не пришёл ЕГЭ. ЕГЭ я душой не принял, хотя и назначался Минобразованием три года инспектором по внедрению ЕГЭ в Хабаровском крае и Якутии.

Якутские инспекционные поездки. Что меня потрясло в Якутии? В газетах и на плакатах - лозунг Президента Саха: «Каждый третий рубль Республики в школу!». Этот лозунг там выполнялся свято. Там вообще каждое слово Начальника – закон.

Я видел фотографии караванов гружёных кирпичом камазов, уходивших по зимникам в дальние районы. Я своими глазами видел прекрасные каменные здания школ, возвышавшиеся в улусах среди бревенчатых изб. В процессе инспекций меня три дня возили на вездеходе по далёким населённым пунктам. Таких школ, оснащённых шикарными компьютерными классами и спутниковой связью, построено было по Якутии полторы сотни. На вечной мерзлоте. Ударными темпами. Зарплата учителя – самая высокая по всем улусам Республики. И, думаю, по всей России. Квартиры учителям. Каждый школьный директор и завуч два раза в год обязан

КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

побывать за рубежом. По приказу. Бесплатно. Сотни школьных отличников летят на стажировку в Англию. Команду школьников Якутии на Всероссийскую олимпиаду готовят преподаватели ФМШ НГУ, командные победы по всем дисциплинам. Все дети хотят быть учителями. Огромный конкурс при поступлении на педагогические специальности в университет.

Учитель и ученик

Много чего мне не нравится в нашей современной школе. Не нравятся мне скандинавские веяния, особенно в детсадах и младших классах. Не нравится мне модное увлечение стандартами, потому что вижу, как именем министра уничтожается желание учителей творить, разнообразить учебный процесс. Стандартизация в образовании – путь на свалку истории. Китайцы пишут на своих школах и университетах: «Пусть будет сто цветов».

Евгений Наздратенко и его команда. Многие ругали нашего приморского губернатора. Чего только про него не говорили. Оглядываясь, скажу: другого такого для системы образования

трудно найти. И не было. Первое – это поддержка учителя (автомобили и квартиры победителям учительских конкурсов, губернаторские премии, билеты в театр, путёвки, кремлёвская ёлка, программы поддержки, ремонты, крыши, дрова, уголь, школьное питание). Второе – школьные олимпиады: призы, бесплатные поездки, проживания, экскурсии, все дети и члены жюри в зимнем олимпийском «Океане» накормлены, обогреты и занимаются своим делом. Губернатор Е. Наздратенко всегда на сцене, всегда с призами. Е. Наздратенко на сцене – это легенда. А ещё при губернаторе Наздратенко был пароход. Его помнят все, даже кто не видел. Ежегодно на День Учителя несколько сот лучших учителей края (победителей конкурсов) приглашались в театр и потом – в большой ночной круиз по заливу Петра Великого. С бесплатным рестораном и уютными каютами для всех. Весёлые стайки учителей два дня кружили по улицам Владивостока, вызывая восторги горожан. Хорошая основа для дружбы городами. Организовывала эти действия и исполняла роль тамады Т. Боровкова. Отдельное спасибо Л. Михайловой, К. Межонову, И. Логвиновой, Т. Пастуховой, В. Станкевичу. Экономисты сравнивают обеспеченность тогдашней приморской системы образования с соседними – хабаровской и якутской. Но, это разные истории и разные рубли.

В педагогике я занимаюсь обучаемостью. Ищу способы развития человека с помощью компьютера. Много перепробовал, многое отмечено, многое получилось, многое было внедрено. Много людей помогало. Написал докторскую диссертацию «Тестирование обученности как средство развития обучаемости». Руководителем был профессор В. Вовна, ведущей организацией был ТГУ, помогали и критиковали педагоги Невзоровы-Степашко всей профессорской семьёй, по-доброму. Два года жизни. Защитил я диссертацию в Совете у педагогов, но ВАК её не утвердил. Не любят педагоги формул или ещё чего, точно не знаю, не объяснили. Москва.

В тьюторство меня посвятила Т. Боровкова. Долго и старательно пытался я понять, чего же они, тьюторы, хотят. Долго

меня обрабатывали Т. Ковалёва и Е. Кобыща. Ночные беседы с А. Ахаяном. Поиски смысла в статьях и презентациях. Многодневные видеосъемки. Что-то стал понимать. Педагогика – дело такое. Очень прояснило ситуацию «Путешествие четырнадцатое» Станислава Лема. Не читали?

Если кто помнит, когда-то ежегодный конкурс абитуриентов на физфаках СССР доходил до двух десятков человек на место. Были такие времена и в ДВГУ. В 80-х конкурсы упали. Не то, чтобы люди русские поглупели, просто они постепенно утратили интерес. Страх перед физикой стал расти в народе, начиная примерно с 1975 года. Растёт и сегодня. Поблагодарим мудрую политику министерства образования, неустанно пекущегося об обновлении школьных учебников и программ. Новый набор на физфак для многих стал в 80-х проблемой, но мы её успешно решали вплоть до обвала ГКЧП.

Идею я позаимствовал в МФТИ. Дважды в год перед зимними районными олимпиадами и летними школьными каникулами я вешал объявления и собирал студентов, желающих съездить на недельку домой, иногда за государственный счет. Студенты получали предписание с печатью Крайно (у меня там были знакомства), пачку рекламной макулатуры (мы её делали в своей типографии) и отправлялись в районы как члены Жюри районных олимпиад. Студентам это нравилось, нашу макулатуру они успешно раздавали в школы. Потом они привозили мне данные участников, и я организовывал студентов физфаковской педгруппы на написание благодарственных писем родителям и директорам школ. Действовало! Физфаку завидовали химики, математики. Дилетанты профориентации. А ещё мы организовали ежегодную заочную дальневосточную олимпиаду с рассылкой плакатов по три штуки в каждую школу (на стенку, учителю и директору). Школ на Дальнем Востоке было около двух тысяч. Соответственно, мы рассылали по почте шесть тысяч плакатов. Как-то справлялись. Работала педгруппа. Задачи студенты сочиняли сами, проверяли ответы сами. Список преподавателей в жюри был солидным, но мы так договорились, чтоб никто не совался. Пусть это будет чисто

студенческий проект. Я храню те десять созданных студентами олимпийских плакатов по двенадцать задач. Особенно отличились в этой деятельности В. Самойленко, А. Прокопчук, Л. Резник.

Более четверти века я прожил в казармах и общежитиях. Последняя общежитская пятилетка стала для меня спортивной. Я стал бегать. Раз-два раза в неделю, по вечерам, 10 – 20 километров по улицам Владивостока. Пристрастили меня к этому коллеги – Л. Алексейко и А. Чередниченко. Как они надо мной издевались поначалу! Особенно стыдно и весело мне было бегать рядом с А. Чередниченко, мастером спорта международного класса по марафону. Потом приноровился и стал охотно бегать в одиночку, в любую хорошую погоду. На бегу мы часто обсуждали, среди многого, проекты сотрудничества с Китаем.

Говорят, китайцы бегают тоже. Не заметил. В основном, пляшут. Однако я не раз обнаруживал в Китае прекрасные основы для совместного бизнеса и совместных образовательных проектов. Предлагал руководству университета. Пока не получилось двинуться ни там, ни там. Незримые руки сдерживают процесс. А, может, я просто что-то не так делаю.

Что было? Был у меня провальный бизнес-проект, не принесший материальных выгод, но приведший к новому качеству – фотоальбом «Старый физфак». Мне удалось собрать и отсканировать более 7 тыс. старых фотографий, которые я записал на DVD. Эта коллекция многократно пополнялась и копировалась, широко разошлась среди физиков и стала популярной. Были большие поездки в Хабаровск. Была Приёмная комиссия ДВГУ, где я одно время состоял заместителем ответственного секретаря и с которой потом организовывал проекты мониторинга качества образования в крае. Был Якутск с лекциями в Саха ИРО и ЯГУ со строганиной в семье Максимовых, с мамонтами и вечной мерзлотой. Был Томск и незабываемые встречи в ТГУ с Г. Майером, В. Дёмкиным, Г. Можяевой. Был Комсомольск-на-Амуре с конкурсами авторских электронных учебников и огромными сугробами, среди которых я неожиданно вышел к тому самому общежитию, где мои родители-заочники во время своих сессий в

далекие 60-е прятали меня (в 4 года!) под кроватями от страшных вахтёров.

Есть Приморский ИУУ (ПИППКРО, ПК ИРО) и его вечерние коллоквиумы по четвергам о смыслах с А. Загороднюком, А. Орешко, А. Петрунко, С. Каменевым, А. Надтоком, И. Борисенко, В. Меелем. Были длительные командировки в США в составе делегаций, путешествия по университетам. Там я купил свою первую видеокамеру, спасибо за идею Ю. Лазареву и А. Разгонову, и с тех пор снимаю всё: друзей, лекторов и пр. Были многолетние общегородские тестирования – образовательный мониторинг – в Находке (благодарю А. Разгонова, Л. Несину и Т. Матвееву). Был зимний Биробиджан с его еврейскими учительницами информатики и прогулками по берегам Биры и Биджи с А. Поличкой, Р. Баженовым и В. Смеликом. Когда-нибудь расскажу, как школьники в Биробиджане изучали информатику с нарисованными на фанерных дощечках клавиатурами – это надо было видеть! Был Бикин и два месяца строек социализма среди оводов и комаров в «химическом» поселении. Были Дагестан и Чечня, обвалы в горах и эвакуация молодых учёных на бронетранспортёрах из Беноя, заложники и сапёры на кладбище в Хасавюрте, горская свадьба и первая шурпа. Был Чимкент с танцами красавиц из числа пятикурсниц тамошнего химтеха.

Была страшная холодная зима 1987 года в Питере – три месяца в общежитии на улице Беринга в одной комнате с моржом – профессором В. Номоконовым. Днём -37° , ночью -44° . Питерская пурга. На подоконниках Беринговской общаги лёд, трубы в клячья. Студенты-негры заворачиваются по 5 штук в одеяло и скачут по коридору в сторону туалета. Они тоже сидели без денег. Спасла меня той зимой в Питере И. Илюхина, бывшая до аспирантуры главной комсомолкой ДВГУ, а потом командовавшая социальной сферой г. Артёма. Встретила меня на Невском у Публички, трясущегося от холода, зазвала погреться к себе в теплую девятку. Общежитие аспирантская такая есть. Там я и остался на Новый год и ещё провел несколько дней до отлёта, так надо было, поскольку я в начале января должен был выступать на кафедре с научным

докладом. Я редко видел в Питере столько выпускников разных факультетов ДВГУ, спящих в углах в одной комнате. Потом оказалось, что в соседней комнате в это время жил мой друг К. Захаров.

Ныне полковник МВД, заведующий кафедрой философии, К. Захаров пришёл в философию напрямую с нашего физфака. Уехал в Ленинград. Там его взял к себе в ученичество известный философ В. Бранский. Все члены кафедры философии ЛГУ имели вторую степень доктора физико-математических наук. Я уважаю В. Бранского, он научил меня, как должен вести себя преподаватель на переменах. Занятия у нас заканчивались на Васильевском острове поздно, в половине десятого ночи, петергофцы едва успевали на последнюю электричку. На вечерних переменах В. Бранский доставал из портфеля два термоса – тонкий с кофе и толстый с пирожками – и начинал свой ужин на газетке, прямо на преподавательском столе перед нами. Уже к следующему занятию многие из нас оснастились такими же комплектами. Было весело, занятия заканчивались пораньше. У меня тоже есть два термоса.

...По философии на вступительных экзаменах в аспирантуру я получил четверку. Принимал экзамен В. Ассеев. Он был неуниверситетский, политеховский. Похвалил меня и сказал, что четверку ставит за то, что мой реферат написан от руки. А где, спрашивается, я взял бы машинку в Петергофе? Машинку купить или позаимствовать было проблемой. Кто не знает, буквально незадолго до этого все личные машинки в СССР регистрировались в компетентных органах, поэтому народ предпочитал не связываться.

Мой реферат по философии был посвящён времени и причинности. Я вкладывал в него душу более трёх месяцев, прорыл массу книг в Публичке. Понял смысл слов моего шефа Е. Смирнова: «Философия – паразит на теле физики». Впоследствии многие мои друзья получали за него пятерки во многих-многих вузах СССР. Такова участь автора.

Сдачу английского в аспирантуре помню. Наша группа претендентов в аспирантуру – 50 человек со всего СССР – получила

всего две пятёрки. Одна моя. Как я благодарил в душе нашего англичанина Л. Ильяшенко! Как бы его не ругали разные филологи, именно он научил нас переводить с английского любые технические тексты сходу, без подготовки, без учебников, без словарей. Впоследствии я написал об этом. Ту мою статью опубликовали в Вестнике Московского университета (серия педагогика) на первых страницах №1 за 2012 год.

...На рубеже веков я исполнял обязанности зам. директора Открытого университета ДВГУ, зав. кафедрой Открытого образования ДВГУ, члена Учёного Совета ДВГУ, директора краевого Центра мониторинга качества образования ДВГУ, рецензента ВАКовского журнала «Открытое дистанционное образование» (Томск, ТГУ), эксперта Приморского Форума образовательных инициатив, члена жюри межшкольных научных конкурсов и др.

Я признателен людям, учившим меня грамотно писать: А. Прияткиной, Л. Щербине, Е. Смирнову, Д. Быстрову, В. Вовне, семье Невзоровых, С. Паниной, С. Крицкой, Н. Бахаревой, А. Павлову, И. Львову, В. Корскову, Т. Боровковой, А. Солоницкому, А. Петрунко. Я стойко перенёс все издевательства своих мудрых учителей.

И вот наступило второе десятилетие 21 века. Не ждали. Во власть потянулись дети перестройки. Есть термин в педагогике – «воинствующая некомпетентность». Бич государственных учебных заведений. Знакомые с историей античности знают, что такое охлократия. Смешно, грустно и объективно. Надоело.

Штатовские учёные придумали рецепт спасения от негативных явлений: они меняют область деятельности и место работы каждые пять лет. Странно, но действует. Решил попробовать. Умные люди – В. Вовна и В. Короченцев – позвали меня в физики. Друг и учитель М. Невзоров предложил совместить приятное с полезным и назвал меня в педагоги (параллельно и навсегда). И я пошёл. И туда, и сюда. Не циклюсь на глупостях, к неприятелям отношусь по-конфуциански. Срабатывает. На Востоке живём.

Сейчас я – зав. лабораторией электронного строения и квантово-химического моделирования Школы естественных наук ДВФУ, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Школы педагогики ДВФУ, Отличник народного просвещения, Почетный работник Высшей школы, председатель межвузовского совета по информатизации образования ДВ РУМЦ, член-корр. Академии информатизации образования, автор более 330 печатных работ по физике и педагогике (из которых - 7 монографий и 2 учебника), доцент, к.ф.-м.н. Храню коробку с грамотами и благодарностями 12-ти нынешних и бывших ректоров (ДВГУ, ДВФУ, ДВГТУ, ТГУ, МГУ), министров, федерации профсоюзов, ЮНЕСКО; авторские свидетельства, сертификаты.

Надеюсь в дальнейшем доставить удовольствие сотрудничества и физикам, и педагогам кафедры теории и методики проф. образования ШП, в особенности её бессменным заведующим М. Туктагуловой и А. Сазоновой.

Работаю в квантовой химии (занимаюсь моделированием биологических структур и реакций) и расширяю деятельность в сфере электронной педагогики, вращаюсь в проектах с несколькими компаниями. Ищу «волшебную таблетку» – рецепт гарантированного быстрого обучения, мечту педагогов и родителей.

Новое моё увлечение – предпринимательство. Как и положено, влез я в тему, собрал литературу, несколько сотен разных пособий. Думаю, что здесь есть поле для применения теории диссипативных структур. А иначе, зачем И. Пригожин получил три нобелевских премии?

Появились идеи, надеюсь, полезные.

С уважением, Морев И.А.»

Фотографии к тексту предоставлены из архива Антона Белолипцева.